

Рецензия на: Митрофанов А. Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. – СПб.: Изд-во СПбДА, 2020. – 280 с.

Валерий Павлович Степаненко

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, v.stepanenko49@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-8399-5530*

**Review: Mitrofanov A.Yu. Imperator Aleksei I Komnin i ego strategiiia.
Saint Petersburg, Dukhovnaia Akademiia Publ., 2020, 280 p.**

Valery P. Stepanenko

*Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, v.stepanenko49@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-8399-5530*

При скудности исследований по эпохе Комнинов в истории Византии появление каждой работы, претендующей на монографическое исследование данной эпохи или ее наиболее существенных моментов, можно только приветствовать. Как ни печально, до сих пор наиболее значимым в этой связи оставался монументальный двухтомник Ф. Шаландона, вышедший из печати в 1900–1912 гг. [37]. И неудивительно, что известный петербургский византинист М. А. Морозов предварил своим предисловием его монографию, посвященную правлению императора Алексея Комнина, в переводе М. Ю. Некрасова [30]. На этом фоне появление работы А. Ю. Митрофанова «Император Алексей I Комнин и его стратегия», вышедшей в издательстве Санкт-Петербургской Духовной Академии [17], можно только приветствовать. Автор, чьи труды по данной проблематике ранее не были замечены¹, определил свою работу как монографию по избранной теме. В данном качестве мы и будем ее рассматривать.

Целью данной работы является «попытка анализа внешней политики императора Алексея Комнина с точки зрения исследования его стратегии» (с. 7). При этом автор «воздерживается от пересказа общеизвестных сторон внутренней политики Алексея Комнина, освещенных Я. Н. Любарским, отношений Алексея Комнина с крестоносцами, исследованных Ф. Шаландоном и С. Рэнсименом, обходя по возможности стороной законотворческую деятельность Алексея и пресловутую проблему византийского феодализма, изучавшуюся А. А. Васильевым, А. П. Кажданом

¹ Митрофанов А. Ю. История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2006. 626 с. Митрофанов А. Ю. Церковное право и его кодификация в период раннего средневековья (IV–XI вв.). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья; Общество любителей церковной истории, 2010. 425 с.

и Г. Г. Литавриным. Мы намерены на страницах данной книги остановиться на анализе военной деятельности Алексея Комнина и осветить его стратегию, обозначив в ней как сильные, так и слабые стороны» (с. 7–8). Основным источником монографии объявлена «Алексиада» Анны Комниной. На наш взгляд, характеристика писательницы с ее предполагаемым портретом несколько однобока – панегирик. Напомним, что сам труд появился после того, как дама неудачно попыталась посадить на престол своего супруга Никифора Вриенния, не очень-то этого желавшего, и, потерпев поражение, была сослана в монастырь, получив массу свободного времени для написания панегирика отцу, коим и является «Алексиада». Внешнюю политику Алексея этот источник освещает несколько однобоко уже в силу самого жанра. И если для западного направления этой политики Византии материала здесь относительно много, то для основного, восточного, его явно недостаточно, что ранее отмечалось всеми исследователями. Для анализа последнего необходимо было бы привлечение как минимум «Хронографии» Маттэоса Урхайеци, если не в оригинале, то в современном английском переводе [35], и «Хроники» Михаила Сирийца, не говоря уже об арабских авторах хотя бы на уровне *Requiel des Historiens des Croisades*.

Источниковая база работы предельно фрагментарна и несколько случайна. Ряд основных источников (кроме вышеназванных) отсутствует. В их отборе присутствует «европоцентризм», в частности, присутствуют источники по истории крестовых походов и взаимоотношениям Алексея Комнина с предводителями Первого крестового похода. То же касается и историографии. Так, для не существенного для данной темы вопроса об этническом происхождении огузов привлекается вышедшая в 1927 г. работа Бартольда, тогда как последняя по времени появления и лучшая по уровню подачи и осмысления материала монография С. Г. Агаджанова «Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв.» [2] отсутствует, как и многочисленные работы Р. А. Гусейнова [8–10], а также работы крупнейшего специалиста по проблемам сельджукского завоевания Ближнего Востока в целом и Византии в частности, а также истории Румского султаната К. Каэна [33; 34]. Данный перечень может быть продолжен. Для анализа восточной политики Византии данные работы и масса других обязательны.

Текст монографии состоит из двадцати отдельных очерков, разнообразных по тематике.

До сих пор лучшей русскоязычной работой по внешней политике Византии, данной по объективным причинам крайне конспективно, являются написанные А. П. Кажданом главы 11–13 во 2 томе «Истории Византии» [13, с. 278–330]. Труд А. Ю. Митрофанова посвящен внешней политике Византии при Алексее Комнине (1081–1118). Возникает вопрос о том, что же нового внес автор в разработку данной проблематики, хотя бы по сравнению с Ф. Шаландоном? Очерки 1–10 посвящены истории Византии в 60–80-х гг. XI в., в том числе быстро менявшейся ситуации на границах империи после Манцикерта в связи с образованием Румского султаната

(1081) и норманнской экспансией на Балканах. Начинается она панегириком Анне Комниной как писательнице и женщине (с. 8–12)².

Констатированное автором отрицание исследователями социально-экономического кризиса в XI в. отнюдь не общепринято. Усиление позиций провинциальных магнатов имело явные экономические корни – разорение крестьянства, тех же стратиотов, и рост частной власти в ущерб государственной на местах. (Напомню здесь аграрную политику Василия II). Еще А. П. Кажданом в статье «Загадка Комнинов. Опыт историографии» [14] были поставлены вопросы кардинальных изменений в социально-экономической структуре империи второй половины XI в., на которые до сих пор нет внятного ответа, как, например, относительно государственного аппарата и армии³. Но без ответа на них структура и первого, и второй все еще смутны и малопонятны. Например, какая-либо информация о фемах исчезает к 90-м гг. XI в. Какова была структура провинциальной администрации до 1204 г.? На крымском материале данный вопрос был поставлен К. Цукерманом, положив начало дискуссии относительно характера власти Византии в Крыму и вне его в постфемный период [3; 25; 31; 50]. Утверждение автора о том, что столичная гражданская знать в борьбе с провинциальной военной опиралась на наемные дружины, не совсем корректно. Наемников, в том числе и сельджукских, после 50-х гг. использовали все, что признает и сам автор (с. 16)⁴. Используя наемников, Алексей лишь продолжил уже существующую традицию. Но оставались еще и контингенты регулярной армии, быстро сокращавшиеся численно в связи с кризисом фемного строя. Из кого состояли контингенты восточных фем, «преданные императору Роману Диогену» (с. 18) и позже Филарету Врахамию?⁵

² Мелкие замечания здесь: даты правления Мануила Комнина указаны как 1118–1180 (с. 11). Открытым противником подписания т.н. Константинопольского соглашения крестоносцев с Алексеем был не Танкред (его роль тогда была незначительна), но Раймунд Сен Жилль, что общеизвестно (с. 12). Сельджуки = персы, как русские = тавроскифы. Дело не в персидской культуре, которую сельджукская элита усвоила при Мелик шахе (отсюда и имя султана), но шаханшахами в рамках «Сасанидского Ренессанса» были уже Буиды. Этническая принадлежность Григория Бакуриани (в Византии – Пакуриана) довольно смутна. Для Анны Комниной он – армянин (с. 97), для А. П. Каждана он – грузинский феодал [13, с. 298]. Автор пришел к компромиссному варианту – армяно-грузинский аристократ! (с. 167). Алексей не «передавал на долгие годы матушке бразды гражданского управления правления Византийской империей» (с. 18). Это было явлением временным и экстраординарным. Сохранились ее печати как монахини и матери василевса [6].

³ Например, все занимавшиеся византийской армией данного периода крайне осторожно формулировали ее структуру после 1071 г. или обходили данный вопрос стороной.

⁴ Но Мелиссен не передавал Вифинию Сулейману ибн Кутлумишу. Он ввел наемные сельджукские отряды в качестве своих гарнизонов в города региона. До него это практиковал и Вотаниат. В 80-е гг. в обстановке мятежей они были предоставлены собственной участи и перешли под контроль Сельджукидов (1081).

⁵ Процесс деградации стратиотского ополчения фиксируется в 50-е гг. Но расформирование стратиотских контингентов фемы Иверия провел Константин Мономах, но не Константин Дука, как полагает автор (с. 28, 165). См.: [42, 476.51–54].

Параграф, посвященный этнической принадлежности огузов – сельджуков (с. 19–29), на наш взгляд, к собственно постулируемой теме прямого отношения не имеет.

Ранее мы едва ли не в первой нашей работе по проблематике византийско-армянских отношений также исходили из общепринятого в армянской историографии тезиса о роли Армении как буфера между Византией и мусульманскими эмиратами Закавказья и Диар Бакра [26]. Но он давно уже пересмотрен, так как царство Багратидов начало распадаться уже с момента достижения независимости в 886 г. К началу XI в. не без участия Византии оно распалось на два удела, последнее и самое сильное из них – Ширак-Анийское царство. Напомню, то номинальный шаханшах Иовханнэс Смбат, не имея наследников, завещал свой удел Византии. Постоянные междоусобицы и внутренние конфликты вряд ли способствовали сохранению Армянской статуса буфера. Так, автор знаком со статьей С. Г. Агаджанова и К. Н. Юзбашьяна о первых сельджукских набегах на Армению, вынудивших царя Васпуракана Иовханнеса Сенакерима обменять территорию государства на владения в Византии, не без давления последней, и перебраться в Севастию в 1021 г. За ним последовали другие, вплоть до царя Вананда Гагика в 1064 г.

К сожалению, автору не известны этапы сельджукского завоевания Малой Азии, выделенные К. Каэном. Так, вопреки его мнению, Диоген не завоевывал или отвоевывал Севастию во время первого похода против сельджуков. Здесь сказывается незнание информации сидевшего в Урхе-Эдессе армянского хрониста Маттэоса, как и внешне- и внутривосточной ситуации в регионе в целом. Так, кульминацией сельджукской экспансии здесь были 50-е гг. [см.: 34, р. 3–67], что и вызвало необходимость ее отражения, а не 70-е гг. (с. 30)⁶. Севастия входила в состав империи, будучи центром владений Арцруни, известных в Византии как Сенахеримы [41]. Будучи все более автономными в своих владениях по мере ослабления здесь позиций центральных властей и будучи приверженцами армянской апостольской церкви, считавшейся в империи еретической, чем дальше, тем больше они игнорировали центральные власти. Более того, приютили на своей территории католикосов Петра Гетадардза и Хачика Анеци, изгнанных из Ширака – фемы Иверия и Великая Армения. Грабеж Севастии армией императора во время похода против сельджуков был реакцией на все более растущий сепаратизм армянских владетелей Малой Азии, лидером которых до своей гибели оставался экс-шаханшах Ани Гагик II [35, р. 111].

Следующая глава посвящена «потере Малой Азии». Здесь также было бы желательно дать хронологию экспансии по К. Каэну. Другой пока нет. Ошибки и здесь присутствуют. Алп Арслан пал не от руки наемного убийцы, но погиб в поединке с комендантом осажденной им крепости в Средней Азии [21, с. 62–63]. Повторим, что Сулейман ибн Кутлумиш не захватывал Никею, но введенный в нее от име-

⁶ Здесь мелкие недочеты. Алиат, но не Аллиат. Хачатур был стратигом Антиохии, что важно. Не Адан, но Адана (с. 32).

ни Вотаниата гарнизон после свержения императора признал сюзеренитет первого султана Рума. Факта завоевания не было. Княжества Филарета Врахамия юридически не существовало. После Манцикерта как сторонник Диогена он стал автономен в восточных фемах империи, изгнав византийских стратиггов Мелитены, Эдессы и Антиохии. Статус его до 1071 г. неизвестен⁷. Все его византийские титулы были получены между 1071–1091 гг. В Константинополе его рассматривали как мятежного византийского подданного при Михаиле VII и как автономного архонта при Вотаниате и Алексее Комнине⁸.

Покорение сельджуками Ферганы, поэт Гургани и иранская культура сельджукской элиты (с. 33–36) вряд ли имеют отношение к теме, а вот договор, подписанный Алексеем с Сулейманом ибн Кутлумишем в 1081 г. на р. Дракон, по которому Византия признала существование нового государства ар-Рум (Рим!) имеет. Его в тексте нет (см. ниже). Каков был статус Алексея в 1078 г.? По автору, «молодой стратиг византийской армии» (с. 40) и позже «великий domestik схол». Это было бы желательно уточнить. Есть печати.

Детально, насколько это возможно (с. 40–43), описываются битвы с мятежными Вриеннием при Каловарии и Василаки при р. Вардар (1078). Но был и мятеж Никифора Мелиссина, родственника Алексея, в Малой Азии, объявившего себя василевсом ромеев⁹.

После описания деяний Алексея на Балканах автор переходит к описанию же норманнской экспансии в Южной Италии и на Балканах (с. 46–61), благо ему в этом предшествовал все тот же Ф. Шаландон, хотя для ситуации в регионе накануне этих событий отсутствуют упоминания трудов В. фон Фалькенхаузен [43, р. 3–136]. Автор близок в изложении событий к Ф. Шаландону, ссылаясь на его труд [37]¹⁰. События здесь изложены дробно и подробно.

Очерки «Варяжская гвардия», «Харальд Гардрада», «Боевой путь варяжской гвардии после Харальда», «Армии немецких рыцарей и французских норманнов» (с. 61–73) имеют весьма косвенное отношение к внешней политике Алексея Комнина и даже к ее предпосылкам. К тому же здесь рассматривается лишь собственно вооружение, но не тактика боя и не состав армии как таковой. А главное – не удельный вес этих подразделений в византийской армии. Что касается самой армии (с. 73–111), то упрек автора в адрес Дж. Битнкермайера безоснователен, так как до сих пор нет сколь-нибудь внятной информации о ее структуре в конце XI – XII вв. Это предельно ясно демонстрирует сам автор, собрав информацию о западных наемниках в византийской армии, рассуждая о вооружении греков и франков, но ни слова не говоря о структуре армии Комнинов, так как данных об этом практически нет. Судя

⁷ Информации Анны Комниной о том, что Диоген возвел Филарета в сан domestika (с. 190) нельзя доверять. О его статусе в 1071 г. см.: [39, р. 68].

⁸ *Cursus honorum* Филарета после 1071 г. [40, р. 424–425].

⁹ Но стратиггом Вифинии (с. 133) он не был.

¹⁰ Но вряд ли Амальфи был вассалом лично Михаила VII Дуки, но не Византийской империи (с. 53).

по контексту работы, основой византийской армии в данный период автор считает варяжскую гвардию, тогда как рядом имели место быть «прочие подразделения византийской армии» (с. 94–111). При этом рассказ о норманнской гвардии никак не связан с основной темой работы, в частности, описание походов на Каспий. Здесь также присутствует незнание ситуации. Так, цитирую: «В 1034 г. варяги участвовали в подавлении в Армении мятежа Адама Севастийского, сына последнего царя Васпуракана» (с. 77). Не было такого! Если он сын Сенекерима, то царь переселился в Каппадокию с сыновьями Давидом, Атомом, Абусахлом и Константином в 1021 г., получив в удел Севастию и пост стратига Каппадокии. Старший сын Давид позже участвовал в заговоре Ксифия, выдал его Василию II, получил владения в Малой Азии, которые после его смерти унаследовал экс-царь Ани Гагик II, женившись на его дочери [20, с. 85; 27]. Брак противоречил всем церковным канонам, но был заключен по воле императора. Судьбы и статус остальных братьев более или менее известны по «Хронографии» Матэоса Урхайеци и по моливдовулам [41]. Таким образом, если мятеж имел место, то не в Армении. А Адам Севастийский – сугубо изобретение автора, как и роль в битве при Абидосе против мятежного Варды Фоки «русско-варяжской армии императора во главе с Киевским князем Владимиром»!!! (с. 77). При подобных «открытиях» были бы желательны ссылки на источники сей информации.

Биография Харальда Гардрода и судьбы варяжской дружины после него вряд ли имеют отношение к стратегии Алексея Комнина, даже в качестве одной из ее предпосылок (с. 79). При этом подробно описанный поход варягов в Прикаспии вряд ли имеет хоть какое-то отношение к истории Византии. Утверждение автора о том, что на обратном пути они приняли участие в борьбе ставленника Византии Липарита Багваши против царя Грузии Баграта IV (с. 88) не подтверждается источником [16, с. 156]¹¹. Красота матери Баграта царицы Мариам Арцруни, дочери экс-царя Васпуракана Сенекерима, восхитившая автора, вероятна. Хотя к этому времени она явно приближалась к пенсионному возрасту (с. 88).

Обширный экскурс в X в., в частности, о походе Оттона II на Калабрию, вновь никак не связан с заявленной проблематикой работы (с. 96–98). Из всего вышеизложенного автором ясно, что «варанги» в составе армии Алексея Комнина были и что этнический состав дружины несколько изменился. Скандинавов все более вытесняли англосаксы, особенно после Босворта. Были и немцы, но как наемники, что общеизвестно. Но являлись ли основой византийской армии в данный период? Рыцари приезжали самостоятельно или были присланы, как, например, графом Фландрии Робертом в 1089/90 г.

¹¹ «Прибыли три тысячи варангов». При этом вопрос о том, откуда они прибыли и на чьей стороне сражались все еще дискусионен [16, с. 176, прим. 223].

Информация о «прочих подразделениях византийской армии»¹², исключая западных наемников, все еще смутна и неопределенна. Собственно византийские контингенты явно имели место быть. Существование фемы Диррахий подразумевало и наличие фемных контингентов в 80-е гг. XI в. По мнению автора, то могла быть тяжелая конница – катафракты, появление которой он возводит к временам Антиоха Великого, Траяна и понтийских скифов (с. 99). Упоминается и знаменитая армянская азатская конница, дожившая до XI в. Известно, что Сенекерим Арцруни увел ее в свои новые владения в Малой Азии¹³, но стала ли она частью византийской армии – неизвестно и маловероятно, так как княжество Арцруни погибает под ударами сельджуков в 70–80-х гг. XI в.

Рецензент с радостью присоединился бы к постулируемым автором «профессиональным дружинам знатных сеньеров», точнее этериям представителей клана Комнинов как части армии Алексея Комнина, если бы о них была бы внятная информация. А ее нет¹³¹⁴. Далее «при наличии отсутствия» все той же информации о «прочих подразделениях» автор, упоминая военную реформу Никифора Фоки, вновь обращается к эволюции византийского доспеха (с. 101–111)¹⁴¹⁵.

В это время после долгого перерыва в византийской армии начинают появляться контингенты вассалов. Так, в Девольском договоре 1108 г. Алексей называет Рубенидов Киликии – Льва и Феодора Рупениев – «рабами нашей царственности» [4, с. 369]. Участвовали ли их военные отряды в походах императора в данный период – неизвестно. Хотя упоминаются контингенты их соседей и противников Ошанидов – Хетумидов Ламбрана в Киликии, о чем ниже.

Собственно, после долгого введения, сама тема начинается на с. 111 «Война с норманнами». Вряд ли Алексей был «выбран солдатами в императоры». За его спиной стояли совершенно иные силы – часть расколотовой византийской элиты, те же Дуки, Далассины, Палеологи и пр. Расколотов, так как часть ее поддержала стоявшего на азиатском берегу Босфора с армией мятежного Никифора Мелиссина, уже провозгласившего себя императором и готовившегося к штурму столицы. Известны его печати в этом качестве [28]. Алексей его опередил. К тому же, Никифор был женат на сестре Алексея Евдокии. Это осложняло положение. Родственники были вынуждены договариваться. Речь шла даже о разделе империи, о чем они договорились лишь частично – Мелиссин получил Фессалонику.

¹² Здесь желательна унификация написания имен. Найкл – Николль, Николь. Сасун, но не Сассун. Торник, но не Торниг (с. 95–96).

¹³ Это имело место и позже, после аннексии Ширак-Анийского царства. См.: [20, с. 83].

¹⁴ Косвенно в пользу их существования, казалось бы, свидетельствует Анна Комнина. После победы при Хировакхах над печенегами Алексей вернулся в столицу. Накануне «из Константинополя вслед за Палеологом (опоздавшим к сражению – В.С.) устремилось множество родственников и близких императора. Они торопились, как им казалось, выполнить договор и явиться к самодержцу» [4, с. 230].

¹⁵ Илл. на с. 110 – иконка со св. Георгием в рост из Ватопеда сделана не из кости, но из традиционного для мелкой пластики стеатита [См.: 44, с. 101–102].

Авторский панегирик Марии Аланской-Грузинской как жене двух императоров, матери наследника престола Константина Багрянородного и просто красавице имеет право на существование (с. 112–113), но опять же к стратегии Алексея имеет весьма косвенное отношение. Эрудицию автора можно только приветствовать, читая развернутое сравнение Марии с Амагой и Тигратао, с соответствующей библиографией на пол-листа и греческим фрагментом из «Алексиады» (с. 113–115). На второй план уходит главное – императрица поддержала переворот при гарантии передачи власти сыну, обрученному с Анной Комниной. Сыновей у Алексея тогда еще не было.

Повод для норманнской экспансии на Балканах был известен и современникам. Не располагая достаточными военными силами, Алексей заключил союз с Венецией, никогда не желавшей видеть оба берега Адриатики в составе одного государства. Сведения о численности его армии традиционно предельно преувеличены. Здесь наибольший интерес представляет текст хрисовула Алексея 1088 г. Перечисленные здесь этносы и контингенты – остатки фемных ополчений, наемники и вассалы, если считать таковыми князья Рашки Бодина и Ламброн в Киликии Ошина¹⁶. Битва при Диррахии завершилась победой норманнов. При описании хода сражения автор традиционно воспел Гаиту, как он полагает, жену Роберта Гвискара, сравнивая ее с эпическими дамами средневековья от Брюнхильды до Максимо из «Дигениса Акрита» (с. 120–121).

Если, по мнению автора, источником Анны Комниной при описании битвы при Диррахии был кто-то из ее участников (с. 120)¹⁶, то вряд ли стоит оспаривать ее информацию о варягах, сражавшихся в пешем строю (с. 122–125). Дама ближе к описываемым событиям, нежели современный автор [Анализ сражения: 22, с. 169–175]. Отсутствие силы отчасти компенсировала дипломатия. Византийские послы были отправлены в Германию «к князьям и всем знатным людям кельтских стран» [4, с. 134].

Описывая продолжение компании, причины отъезда Гвискара в Италию, взятие Боэмундом Янины¹⁷, два поражения императора, автор полагает, что они были следствием превосходства норманнской конницы и катастрофических потерь личного состава византийской армии в предшествующий период (с. 132). Конечно же, это так. Но существенно большее значение имел развал старой фемной армии, страитотского ополчения, на смену которому шло нечто новое, пока еще не оформившееся. Как следствие, Алексей был вынужден опираться на наемников, немногих вассалов (Бодин, Ошин) и родственников. Описание военных действий на Балканах

¹⁶ В роду чередовались два имени – Хетум и Ошин. Поэтому определение статуса Ошина сомнительно, но сохранились печати антипата Хетума, севаста Хетума, сына Ошина [36, No. 114, 132, 133].

¹⁷ Кстати, один из них, вассал Гвискара Петр Алифа, стал основателем известного византийского рода Петралифов.

¹⁸ По-видимому, норманны оставались в городе достаточно время, чтобы восстановить стены и башни цитадели, одна из которых все еще называется башней Боэмунда [46, p. 20].

в 1081–1084 гг. на основании информации Анны Комниной прерывается рассказом о походе германского императора Генриха IV в Апулию, направленную против Гвискара. Предположение автора о контактах двух императоров и о синхронности их действий вероятно, но не доказуемо, как и вероятность перенесения военных действий Алексея против норманнов на территорию Италии (с. 135–142). Вернувшись в Константинополь, где-то в это время Алексей был вынужден подписать соглашение с Сельджукидом Сулейманом ибн Кутлумишем¹⁹. Автор приводит информацию Анны Комниной о 7000 всадников, посланных султаном василевсу. Но это отнюдь не главное. Далее она, несколько искажая реальную ситуацию, пишет «После того, как Алексей ... изгнал турок из Дамалиса и из соседних прибрежных земель, он, за добрив врагов дарами, принудил их заключить мир и установил для них границу по р. Дракон. Он убедил турок не переходить эту реку и не вступать в пределы Вифинии» [4, с. 138]. За добрил и принудил! Соглашение это имело колоссальное значение, так как фактически означало признание утраты Византией Малой Азии, образования Румского султаната и устанавливало границу между ними по р. Дракон (июнь 1081 г.). Вряд ли, вопреки мнению автора, император и султан были союзниками (с. 133). Первый нуждался в безопасности восточных границ для борьбы с норманнами на Балканах, второй, соответственно, – западных границ для экспансии на востоке (последующий захват Антиохии в 1085 г.) [Об этом пишет и сама Анна: 4, с. 189]. Сельджукские контингенты отныне императору поставлял султан...

Вряд ли можно согласиться с авторской трактовкой восточной политики Византии после 1081 г. Массового использования сельджукских контингентов на Балканах не было, как не было и сельджукских ханов (с. 134). Тюрки привлекались эпизодически и роль их сокращалась по мере формирования армии Рума, занятой по преимуществу на востоке, как минимум вплоть до гибели Сулеймана при Алеппо в 1086 г. Временные союзы с сельджукскими эмирами в период распада Рума (1085–1093) и позже не были чем-то экстраординарным. Союзники были временными, а отвоевание Малой Азии и возвращение ее в состав империи – неизменной целью всей восточной политики Византии вплоть до Мириокефала (1178). Анна пишет, что целью василевса было сделать западной границей империи Адриатическое море, а восточной – Евфрат и Тигр [4, с. 196]. Идеология данной политики – ойкуменическая доктрина – наиболее ярко проявилась в Девольском договоре Алексея с Бозмундом в 1108 г. Василевс распоряжается судьбами давно утраченных территорий Сирии и Месопотамии так, как будто бы они в данный момент все еще принадлежат империи [24, с. 53–63]

Приписываемое Сулейману стремление завоевать Константинополь маловероятно. Султанат расширялся на юг за счет Сирии и Месопотамии. Показательно, что преемник Сулеймана Килич Арслан I в 1107 г. погиб в Джазире в битве при р. Хабур, а ранее появление крестоносцев у стен его столицы Никеи застало его

¹⁹ Но не Сулейманом Кутлумишем, как у автора. Кутлумиш был двоюродным братом Мелик шаха и отцом Сулеймана.

далеко на юге, осаждающим Мелитену. Как следствие, предположение автора о том, что, если бы Алексей Комнин мог не опасаться за северные и восточные границы империи, он смог бы отвоевать у норманнов бывшие византийские владения в Италии, невероятно, так как претензии на Италию имела и Германская империя (с. 142). Так что угрозы с востока не было, как не было и «смертельной угрозы нападения сельджуков на Константинополь в 1085 г.» (с. 143)²⁰. Более того, сама Византия дважды использовала распад Рума в 1085–1093 гг. и после 1107 г. для возвращения малоазийских территорий, не говоря уже об использовании с этой целью ополчений крестоносцев в 1097–1099 гг., о чем и пишет Анна Комнина [4, с. 191–201]²¹.

Что касается сельджукской армии, то относительно ее вооружения и тактики существуют зачастую противоположные мнения [9, с. 131–147]. Судя по описанию современника и участника событий Абу-л-Фазла Бейхаки, в 1040 г. у сельджуков преобладала легкая кавалерия. Была ли у них тогда «профессиональная тяжеловооруженная конная дружина», вопрос предельно спорный. В данный период это – племенной союз с соответствующими атрибутами. В частности, вместе с воинами перемещались и их семьи [1, с. 713]. Эволюция военной структуры и тактики имела место в 30–50-х гг. XI в. Так, Абу-л-Фазл пишет, что уже перед Данданаканом (1040) сельджукская армия приготовилась к бою «по обычаю царей» [1, с. 700], тогда как защитное вооружение было еще достаточно редким. Он отмечает, что 500 гулямов из охраны султана Масуда Газневи были «все в кольчугах» [1, с. 700–701]. Были гулямы и у Сельджуков [1, с. 715].

В целом, к 1071 г. в процессе завоевания Передней Азии сельджукское кочевое ополчение конечно же претерпело существенные изменения под влиянием иранской традиции. При Манцикерте это была уже новая армия, хотя иррегулярное кочевое ополчение продолжало существовать (та же армия Рума). Автор рассматривает вооружение печенегов и половцев как варианты сельджукского, иллюстрируя это погребальными комплексами знати (с. 143–149). Но был ли весь набор этого вооружения у рядовых кочевников?

«Война с сельджуками» (с. 149–157) сводится к пересказу информации Анны Комниной о событиях в Малой Азии (история эмира Смирны Чахи²²). Затем автор

²⁰ Оставленный султаном накануне начала военных действий в Сирии в качестве регента в Никее Абул Касим после гибели султана, т.е. после 1086 г., стал независимым. Рум распался на враждующие эмираты. Тогда-то его отряды и «копustoшали всю Вифинию и доходили до самой Пропонтиды» (с. 192). Об осаде Константинополя речи не шло. Тем более, что в Малую Азию вторглись войска Великого Сельджукида Мелик шаха, что еще более усугубило ситуацию в регионе в 1086–1092 гг. [4, с. 192–201].

²¹ Алексей продолжил традиционную политику «воевать с варварами руками варваров» – «Когда два врага Ромейской державы боролись друг с другом, нужно было оказать помощь более слабому, но не с целью увеличить его силы, а чтобы дать ему возможность отразить врага... Ведь в свое время границами Ромейской державы были столбы, которые обозначали наши границы на востоке и западе. Западные назывались Геракловыми, а восточные, находясь где-то у индийской границы, Дионисовыми» и далее [4, с. 195–196].

²² Который, вопреки мнению автора, не был атабеком (с. 178). Об атабеках см.: [8, с. 181–196].

кратко рассказывает о распаде султаната Великих Сельджукидов, последующих междоусобицах наследников Мелик шаха (с. 154–155) и предельно конспективно сообщает о борьбе империи с султанатом вплоть до 1116 г. (с. 156–157), вновь возвращаясь на Балканы, где начались печенежские вторжения. Далее следует рассказ о том, кто же такие печенеги, со ссылкой на Константина VII (а не VIII) Багрянородного и пр. (с. 159–161).

Не может не вызвать удивления утверждение автора о том, что «после 1018 г. (падение Охриды, тогда – столицы Болгарии – *В.С.*) печенеги были отделены от Константинополя лишь выжженной пустыней и грудями развалин, в которые Василий II превратил болгарские фемы» (с. 158). Здесь ошибочно всё. После завоевания Болгарии император создал на ее территории византийские фемы. Болгарских фем здесь не было и быть не могло! От Константинополя печенегов отделяли вновь созданные фемы, в частности фема Паристрион – Парадунавис с ее контингентами²³. Сами же печенежские и половецкие набеги на Подунавье были предельно детально исследованы И. Божиловым [7, с. 174–189]. При оценке последствий поражения византийских фемных контингентов от печенегов в 1086 г. было бы желательно все же следовать мнению специалиста, в данном случае А. С. Мохова, но не писать о «настоящей катастрофе для византийской западной армии».

Далее на с. 161–171, преимущественно на основании информации Анны Комниной, идет рассказ о печенежских вторжениях на Балканы, плавно переходящий в рассказ о том, кто же такие половцы, и вновь возвращающийся к хронологии печенежских набегов²⁴, а затем к событиям в Малой Азии (с. 177) («Кольцо вокруг Константинополя неуклонно сжималось») и вновь теперь уже к половецким набегам на Балканы (с. 179–183). Уничтожение византийцами «без ведома императора» печенежской орды вызывает у автора ассоциации с НКВД – КГБ и айнзацкомандами Третьего Рейха, хотя существеннее здесь утверждение Анны Комниной о том, что Алексей был якобы не причастен к этому, что крайне сомнительно (с. 182).

Относительная нормализация ситуации на Балканах столкнула Византию с формирующимся сербским государством Константина Бодина. Византия победила, что лишь на время приостановило объединение сербских земель. Вновь по «Алексиаде» подробно рассказывается о появлении Лже-Константина Диогена I, ставшего поводом для возобновления половецких набегов на Балканы (с. 185–187), затем Лже-Константина Диогена II, опиравшегося на контингенты киевского князя Владимира Мономаха (с. 187–190), выдавшего за самозванца дочь [Попытка разобраться: 29, с. 169–175]. Далее автор обращается к Тмутараканской проблеме, предельно второстепенной в данный период (с. 188–190). Автор оперирует историографией

²³ [15, с. 250–288]. В плане административного устройства завоеванных территорий работа несколько устарела. Но см. [7, с. 81–190; 12].

²⁴ С неизбежными отступлениями и этюдами, коим место в примечаниях, но не в основном тексте («отроки» и их происхождение – с. 176)

конца XIX в., хотя есть и недавние работы²⁵. Но в целом можно согласиться с ним в том, что Анна Комнина «не уделила серьезного внимания отношениям с Русью по причине затухания этих отношений в период правления ее отца» (с. 191).

Вопреки тому, что автор ранее решил воздержаться «от пересказа ... отношений Алексея Комнина с крестоносцами, исследованных Ф. Шаландоном и С. Рэнсименом» (с. 8), данной проблеме все же посвящен очерк в 20 страниц (с. 193–213). Речь идет о предпосылках похода, ситуации на западе и на востоке, отношениях императора и папы (с. 193–199), прибытии участников похода к стенам Константинополя (с. 199–201) с обширным экскурсом о доспехах рыцарей и греков (с. 201–203). Сообщая, что «Алексей сумел заставить всех предводителей крестоносцев принести оммаж» (с. 203), автор не совсем точен. Раймунд Сен Жилль категорически отказался сделать это и не подписал т.н. Константинопольское соглашение с императором²⁶. Текст его известен нам фрагментарно. Гийом Тирский пишет: «Среди прочих статей стояло следующее условие: если удастся с Божьей помощью овладеть одним из городов, принадлежавших прежде империи по всей их дороге до Сирии, то такой город с прилегающей областью должен быть возвращен императору, а вся добыча и прочее имущество жителей отданы без всяких препятствий войску в виде награды за труды и как уплата за издержки». Это подтверждают и Анна Комнина [4, с. 287, 317] и Маттэос Урхайеци [35, с. 165]. Византийцы смогли опередить рыцарей при взятии Никеи, позже получили ряд городов Киликии, на чем их сотрудничество и закончилось, в чем обе стороны обвиняли друг друга. Но параллельно византийские армии Иоанна Дуки и самого императора по следам крестоносцев смогли вернуть города побережья Эгеиды и появились у границ Киликии. Завершив поход взятием Антиохии, автор переходит к описанию войны императора со ставшим фактически князем города Боэмундом (с. 214–215). В 1100 г. князь попал в плен под Мелитеной²⁷, отчасти спровоцировав крестовый поход 1101 г. [48]. Был выкуплен. При Харране

²⁵ [5, с. 28–31; 50, р. 311–336]. Что до истории Феофано Музалон, то русско-византийские матримониальные связи этого периода в известной степени есть плоды трудов российских историков XIX в. и часто не находят подтверждения в византийских источниках. Так, П. П. Толочко писал, что во время пребывания византийского посольства в Киеве «произошли помолвка мономаховой внучки Доброеи с сыном императора Алексея» (1116). А при Иоанне II «русско-византийские отношения еще более улучшились. В 1122 г. они скрепились браком дочери Мстислава с самим императором» [19, с. 105]. Это один из немногих случаев, когда ПВЛ нельзя доверять. О существовании Пирошки – Ирины Венгерской автор не знал... Все эти воззрения позже радикально пересмотрел А. П. Каздан, показав недостоверность значительной их части [45, р. 129–141].

²⁶ Автор вспомнил об этом на с. 210, рассказывая кто такие амальфитяне и пизанцы (с. 211–213).

²⁷ Описание пленения Боэмунда всецело ошибочно и несколько фольклорно. Мелитеной в это время владел армянин Гавриил, ранее связанный с Филаретом Врахамием. В отличие от последнего, он получил инвеституру на город от Мелик шаха, но, будучи осажден в стенах города Меликом Гази Данышмендом, призвал Боэмунда и предложил ему Мелитену. У стен города князь попал в плен и был заключен в Неокесарии (1100). К Мелитене был направлен отряд Бодуэна Фландрского, тогда еще графа Эдессы, преемник которого женился немногим позже на дочери Гавриила Морфии. Но удержать город не удалось. О статусе Гавриила см.: [47, Nos. 107, 108].

(1104) войска крестоносцев потерпели поражение от атабека Мосуда (не эмира!) и Артукида Джазиры. Далее подробно рассказывается о войне Боэмунда с Алексеем Комнином на Балканах с неизбежным экскурсом о происхождении одного из полководцев – Аспиета (с. 220–223). К сожалению, рассуждения автора об Аршакидах и прочих как его предках – сплошь недоразумение, т.к. существует статья В. Зайбта, ему неизвестная [49, S. 349–359].

Описание балканской кампании Алексея детально, вплоть до его взаимоотношений с супругой Ириной (с. 224), Девольского договора 1108 г., смерти Боэмунда, событий на востоке, в частности, борьбы потомков Сен Жилля за не завоеванный еще Триполи²⁸. Раздел «Был ли Алексей Комнин унитом?» интересен уже тем, что показывает как заинтересованность Византии в военной помощи Запада вынуждала ее вновь и вновь возвращаться к проблеме схизмы 1054 г., обещая папству новую унию церквей, реализованную лишь отчасти в XIII в. (с. 230–235). Совершенно изолирована от основной проблематики работы глава «Анна Комнина и Иоанн I Цимисхий» (с. 235–247), пожалуй, лучшая часть работы, хотя и не лишенная ошибок²⁹. Послание Цимисхия царю Армении Ашоту III не могло быть вывезено вместе с «царским архивом Багратидов ... из Ани в Константинополь после аннексии царства Багратидов Византийской империей в 1045 г.» (с. 244). Здесь все и проще, и сложнее. В армянской историографии после смерти автора той или иной хроники ее продолжали его последователи. В 1975 г. Л. С. Хачикян издал крайне интересные летописные фрагменты, текстуально совпадающие с соответствующими страницами «Хронографии» Маттэоса Урхайеци. Оказалось, что это фрагменты не дошедшей до нас или, точнее, дошедшей в составе «Хронографии» Урхайеци хроники ранее известного только по упоминаниям Акопа Санаинеци – настоятеля Санаина, умершего в эмиграции в Эдессе в 1085 г., о чем пишет и сам Маттэос. Как следствие, Урхайеци лишь продолжил работу Акопа Санаинеци, как позже его работу продолжил Григор Ереци. Документы из архива Багратидов включены в состав хроники Санаинеци, в том числе и послание Цимисхия [32, с. 17–19]. Обширный пассаж о манихеях, как кажется, вновь не имеет отношения к теме повествования. Последние годы правления Алексея Комнина оказались за пределами работы, причины чего нам неизвестны.

Изложенное в книге позволило Ю. А. Митрофанову прийти к выводу, что стратегия Алексея – это «доведенный до совершенства опыт сочетания традиционного мастерства византийской дипломатии и формирований армии нового типа» (с. 251). Относительно первого возражений быть не может. Что до второго, то чем автор аргументирует создание армии нового типа? 1) «Заимствование некоторых обобщенных принципов западноевропейского военного искусства». 2) Ставка на развитие

²⁸ При этом Бертран не «начал завоевание Триполи». Начал его Сен Жилль, умерший в Мон Пелерине у стен осажденного города.

²⁹ При перечислении городов, захваченных императором во время сирийского похода 971 г., остался не расшифрованным Мемпеце. Это – Мембидж.

наемных дружин. «С этой точки зрения армия Алексея Комнина в большей степени напоминала по своей структуре и организации профессиональные структуры буккелариев, бывших основой византийской армии при Юстиниане I [Но см.: 11], чем массовые армии из стратиотов и акритов ... VIII–X вв.». 3) Фока и Цимисхий «попытались создать отдельные профессиональные подразделения постоянной готовности – тяжеловооруженную конницу катафрактосов и корпус «бессмертных», ориентируясь на опыт хорасанской тяжелой конницы и гулямов Аббасидского халифата». 4) «Василий II не сумел или не успел повести структурные реформы в армии, которые позволили бы полностью отказаться от стратиотского ополчения, которое в действительности было серьезным тормозом на пути развития византийской военной организации и полностью перевести армию на профессиональную основу» (с. 253). Все это постулируется, но не доказывается, как, например, что есть «русско-скандинавский вариант византийской военной культуры». Не любит автор стратиотское ополчение, полагая, что причиной «военной деградации Византии явился низкий профессионализм стратиотов, солдатской массы вчерашних крестьян, в которой тонули небольшие профессиональные части, такие как варяжская гвардия, этерия (это что? – В.С.), «маниакаты» или личные дружины тех или иных знатных землевладельцев» (с. 254). Возникает вопрос, а с кем же побеждали Фока и Цимисхий? С наемниками? Они, в известной степени, стали заметны в византийской армии при Василии II, но не они завоевывали Болгарию, а стратиотские ополчения преимущественно восточных фем. По мнению А. С. Мохова, «с самого начала истории фем Харсианон, Колония, Каппадокия, Ликанд, Халдия основой их военного потенциала являлись регулярные войска» [18]. Как следствие, первый вывод автора – «массовое привлечение англосаксонских наемников в варяжскую гвардию, в меньшей степени – привлечение франкских рыцарей, печенегов, сельджуков и отчасти половцев, также привлечение участников Первого крестового похода дало кратковременный позитивный эффект» (с. 256). Далее – отказ от сотрудничества «с Русью не позволил ему возродить варяго-русскую дружину Василия II на базе варяжской гвардии после потерь, понесенных ею под Диррахием... не позволили императору организовать вооруженные силы Византийской империи на основе русско-скандинавской воинской корпорации, спаянной общим территориально-политическим происхождением и общей дружинной культурой...» (с. 256). Здесь возникает вопрос – а собирался ли император все это делать? На что опирается эта гипотеза? И вывод – «разношерстная воинская структура, сотканная усилиями Алексея Комнина, могла принести империи ситуационную пользу, но она была не в состоянии обеспечить ей стратегическую безопасность». «Император Алексей видел место Византии в сообществе дружественных латинских государств, которые, исходя из византийской политической теории, должны были признать себя федератами империи». Вывод о том, что «попытки в полной мере реализовать эту стратегию подорвали экономический потенциал и военную мощь византийской империи в царствование Мануила I» общепризнан. Второй вывод полностью повторяет первый – «Алексей Комнин ...

понимал, что реставрация Византийской империи как великой державы ... возможны только при наличии прочных союзнических отношений с латинянами, с Западной Европой» (с. 257). И это все.

Эрудиция автора несомненна. Мысль его охватывает все историческое пространство от Антиоха Великого до Кретьена де Труа. Но в данном случае он явно не в теме. Отсюда и нелогичная композиция работы, фактические ошибки, многочисленные отступления в частные вопросы и отсутствие внятного вывода относительно стратегии Алексея Комнина как императора и полководца. В принципе, здесь явно не стоило повторять пройденное, хотя бы после Ф. Шаландона, так как идея реставрации власти империи от Италии до Месопотамии оставалась актуальной вплоть до 1204 г., что общеизвестно³⁰. Иное дело, что для этого не было ни малейших оснований – ни социально-экономических, ни политических. Структура византийской армии так и осталась не раскрытой, и понятно почему. Социально-экономические процессы проигнорированы, переформатирование элиты – тоже.

Возможно, автору удалось бы избежать многих ошибок, если бы его труд подвергся тщательному научному редактированию. Имело ли это место быть и читали ли его оба редактора, то нам неизвестно. По-видимому, все же нет. Можно согласиться с А. Ю. Митрофановым в том, что в «последние десятилетия в состоянии полной деградации пребывает в современной России культура научной полемики» (с. 190). Как ни печально, это относится и к качеству последних работ по истории Византии, византийско-русских и русско-византийских отношений, рождаемых из ничего и издаваемых в последнее время во все большем количестве. В заключение остается привести афоризм Козьмы Пруткова – «Никто не обнимет необъятного» [23, с. 159]. Это как раз тот случай. Как следствие, это не научная монография. Причислять данный труд к научно-популярной литературе также вряд ли возможно. Повторим еще раз – автор не в теме.

³⁰ Ярчайший пример тому – послание Иоанна II в Рим. Основываясь на теории двух мечей – светском и духовном, император мечтал омыть меч в водах Евфрата и восстановить единство империи и церкви [38, Vol. II, p. 163].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда (1030–1041) / Пер. с персидского, введ., комм. и прил. А.К. Арендса. М.: Наука, 1969.
2. Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991.
3. Алексеенко Н.А. Печать паниперсестава Алексея Враны-Комнина из византийского Херсонеса // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 537–546.
4. Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер. и комм. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996.
5. Алфьоров О. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи і всієї Хазарії з колекції О. Шереметьєва // Sphragistic Meridian. Київ – Корсунь – Константинополь. Міжнародний коллоквиум по руско-византийській сфрагистикі. Київ, 13–16 вересня 2013 г. Київ, Севастополь, 2013. С. 28–31.
6. Антокольская Н. Печати Анны Далассиной в собрании Эрмитажа // ПС. 1971. Вып. 23. С. 58–62.
7. Божилев И. Добруджа – византийская провинция // История на Добруджа. Т. 2: Средневековие. Велико Тырново, 2004. С. 81–190.
8. Гусейнов Р.А. Институт атабеков // ПС. 1966. Вып. 15. С. 181–196.
9. Гусейнов Р.А. Сельджукская военная организация // ПС. 1970. Вып. 17. С. 131–147.
10. Гусейнов Р.А. Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам) // ПС. 1971. Вып. 23. С. 156–167.
11. Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991.
12. Йорданов И. Печати на византийската администрация в България (971–1118). Шумен, 2019.
13. История Византии: в 3-х т. / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. Т. 2.
14. Каждан А.П. Загадка Комнинов // ВВ. 1964. XXV. С. 53–98.
15. Литаврин Г.Г. Византия и Болгария в XI–XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
16. Матиане Картелиса / Пер. и комм. М.Д. Лордкипанидзе // Картелис Цховреба (История Грузии) / Ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008.
17. Митрофанов А.Ю. Император Алексей I Комнин и его стратегия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2020.
18. Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX вв.: развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013.
19. Толочко П.П. Древняя Русь Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.
20. Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци / Пер. с древнеармянского, вступ. ст., комм. и прил. К.Н. Юзбашьяна. М.: Наука, 1968.
21. Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Сульджукийя / Издание текста, пер., введ., прим. и прил. З.М. Буниатова. М.: Наука, 1980.
22. Серен Е.А. Битва при Диррахии – ключ к балканской операции норманнов против Византии // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 169–175.
23. Сочинения Козьмы Прутков. М.: Правда, 1986.
24. Степаненко В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // ВВ. 1987. Вып. 48. С. 53–63.
25. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI–XII вв.). К постановке проблемы // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
26. Степаненко В.П. Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в. // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 124–132.
27. Степаненко В.П. Еще раз о грузинском посольстве 1045 г. в Ани (К генеалогии и грузинских и армянских Багратидов и Арцрунидов Васпуракана) // АДСВ. 2003. Вып. 32. С. 265–274.
28. Степаненко В.П. Никифор Мелиссен, деспот и автократор Ромеев // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. СПб., 2004. С. 78–91.
29. Степаненко В.П. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X–XII вв. // Пътуванията в средновековна България. Велико Тырново, 2009. С. 169–175.
30. Шаландон Ф. Алексей Комнин. История правления. 1081–1118. СПб.: Евразия, 2017.

31. Чхайдзе В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 721–730.
32. Хачикян Л.С. Об одной уникальной рукописи Матенадарана // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 17–19.
33. Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. A general Survey of the Material and Spiritual Culture and History. London, 1968.
34. Cahen Cl. La premiere penetration turque en Asie Mineure // Byzantion. 1946–1948. XVIII. P. 5–67.
35. Armenia and the Crusades. Tenth and Twelfth Centuries. The Chronicle of Matthew of Edessa / Translated from Original Armenian with a Commentary and Introduction by A.E. Dostourian. Lanham, New York, London: University Press of America, 1993.
36. Spink auction 132. Byzantine seals from the collection of George Zacos. Part II. London, 25 may 1999.
37. Chalandon F. Histoire de la Domination normande in Italie et en Sicilie. T. 1. Paris, 1907.
38. Chalandon F. Les Comnene. Etudes sur l'Empire Byzantin au XI et au XII siecles. T. 1–2. Paris, 1900–1912.
39. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr. Etudes prosopographiques. Paris: Sorbonne, 1986.
40. Cheynet J.-Cl. Sceaux byzantins des musees d'Antioche et de Tarse // Travaux et Memoires. 1994. Vol. 12. P. 424–425.
41. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè // Studies in Byzantine sigillography. 2006. Vol. 9. P. 213–226.
42. Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / Rez. I. Thurm. Berolini, Novi Eboraci, 1973.
43. fon Falkenhausen V.I. Bizantini in Italia // Bizantini in Italia / A cura di G.P. Carratelli. Milano, 1982. С. 3–136.
44. Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1985.
45. Kazdan A.P. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1990. P. 129–141.
46. Konstantios D. The Castro of Ioannina. Athens, 2000.
47. Oikonomides N. Dated byzantine lead seals. Washington, 1986.
48. Runciman S. The Crusade of 1101 // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1951. Bd. 1. S. 3–12.
49. Seibt W. Ἀρσακίδες / Arsakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1994. T. 44. S. 349–359.
50. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Abu-l-Fazl Beikhaki. *Istoriia Masuda (1030–1041)*. Moscow, Nauka Publ., 1969.
2. Agadzhanov S.G. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Sredniaia Aziia v XI–XII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1991.
3. Alekseenko N.A. Pechat' panipersevasta Alekseia Vransy-Komnina iz vizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, Vol. XXIII, pp. 537–546.
4. Anna Komnina. *Aleksyiada*. St-Petersburg, Aleteiia Publ., 1996.
5. Alf'orov O. Pechatka Mikhaïla, arkhonta i duki Matrakhi i vsiei Khazarii z kolektsii O. Sheremet'eva. *Sphragictic Meridian. Kiev – Korsun' – Konstantinopol'. Mezhdunarodnyi kollokvium po russko-vizantiiskoi sfragistike*, Kiev, Sevastopol, 2013, pp. 28–31.
6. Antokol'skaia N. Pechati Anny Dalassinói v sobranii Ermitazha. *Palestinskii sbornik*, 1971, Vol. 23, pp. 58–62.
7. Bozhilov I. Dobrudzha – vizantiiskaia provintsia. *Istoriia na Dobrudzha. T. 2: Srednovekovie*, Veliko Tyrnovo, 2004, pp. 81–190.
8. Guseinov R.A. Institut atabekov. *Palestinskii sbornik*, 1966, Vol. 15, pp. 181–196.
9. Guseinov R.A. Sel'dzhukskaia voennaia organizatsiia. *Palestinskii sbornik*, 1970, Vol. 17, pp. 131–147.
10. Guseinov R.A. Iz istorii otnoshenii Vizantii s sel'dzhukami (po siriiskim istochnikam). *Palestinskii sbornik*, 1971, Vol. 23, pp. 156–167.

11. Glushanin E.P. *Voennaia znat' rannei Vizantii*. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991.
12. Iordanov I. *Pechati na vizantiiskata administratsiia v B"lgariia (971–1118)*. Shumen, 2019.
13. Skazkin S.D. (Ed.), *Istoriia Vizantii*. T. 2. Moscow, Nauka Publ., 1967.
14. Kazhdan A.P. Zagadka Komninov. *Vizantiiskii vremennik*, 1964, XXV, pp. 53–98.
15. Litavrin G.G. *Vizantiia i Bolgariia v XI–XII vv.* Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1960.
16. Matiane Kartlisa. Metreveli R. (Ed.), *Kartlis Tskhovreba*, Tbilisi, Artanudji Publ., 2018.
17. Mitrofanov A.Iu. *Imperator Aleksei I Komnin i ego strategiia*. St-Petersburg, Sankt-Peterburgskaia Dukhovnaia Akademiia Publ., 2020.
18. Mokhov A.S. *Vizantiiskaia armiiia v seredine VIII – seredine IX vv.: razvitie voenno-administrativnykh struktur*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2013.
19. Tolochko P.P. *Drevnaia Rus' Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1987.
20. *Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastivertsi*. Moscow, Nauka Publ., 1968.
21. Sadr ad-Din Ali al-Khusaini. *Akhbar ad-Daulat as-Sul'dzhukiiia*. Moscow, Nauka Publ., 1980.
22. Seren E.A. Bitva pri Dirrakhii – kluch k balkanskoj operatsii normannov protiv Vizantii. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1999, Vol. 30, pp. 169–175.
23. *Sochineniia Koz'my Prutkova*. Moscow, Pravda Publ., 1986.
24. Stepanenko V.P. Marash i grafstvo Edesskoe v Devol'skom dogovore 1108 g. *Vizantiiskii vremennik*, 1987, Vol. 48, pp. 53–63.
25. Stepanenko V.P. Vizantiia i Krym v postfemnyi period (konets XI–XII vv.). K postanovke problemy. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, Vol. XXIII, pp. 713–720.
26. Stepanenko V.P. Politicheskaiia obstanovka v Zakavkaz'e v pervoi polovine XI v. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1975, Vol. 11, pp. 124–132.
27. Stepanenko V.P. Eshche raz o gruzinskom posol'stve 1045 g. v Ani (K genealogii i gruzinskikh i armianskikh Bagratidov i Artsrunidov Vaspurakana). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2003, Vol. 32, pp. 265–274.
28. Stepanenko V.P. Nikifor Melissen, despot i avtokrator Romeev. *Sfragistika i istoriia kul'tury. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V.S. Shandrovskoi*, St-Petersburg, 2004, pp. 78–91.
29. Stepanenko V.P. «Goroda na Dunae» v kontekste russko-vizantiiskikh otnoshenii X–XII vv. *P"tuvaniata v srednovkovna B"lgariia, Veliko T"rnovo*, 2009, pp. 169–175.
30. Shalandon F. *Aleksei Komnin. Istoriia pravleniia. 1081–1118*. St-Petersburg, Evraziia Publ., 2017.
31. Chkhaidze V.N. Vizantiiskaia vlast' na Bospore (posledniaia chetvert' XI – nachalo XIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, Vol. XXIII, pp. 721–730.
32. Khachikian L.S. Ob odnoi unikal'noi rukopisi Matenadarana. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1974 g.* Moscow, 1975, pp. 17–19.
33. Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey. A general Survey of the Material and Spiritual Culture and History*. London, 1968.
34. Cahen Cl. La premiere penetration turque en Asie Mineure. *Byzantion*, 1946–1948, XVIII, pp. 5–67.
35. *Armenia and the Crusades. Tenth and Twelfth Centuries. The Chronicle of Matthew of Edessa*. Lanham, New York, London, University Press of America, 1993.
36. *Spink auction 132. Byzantine seals from the collection of George Zacos*. Part II. London, 25 may 1999.
37. Chalandon F. *Histoire de la Domination normande in Italie et en Sicilie*. T. 1. Paris, 1907.
38. Shalandon F. *Les Comnene. Etudes sur l'Empire Byzantin au XI et au XII siecles*. T. 1–2. Paris, 1900–1912.
39. Cheynet J.-Cl., Vannier J.-Fr. *Etudes prosopographiques*. Paris, Sorbonne Publ., 1986.
40. Cheynet J.-Cl. Sceaugh byzantins des musees d'Antioche et de Tarse. *Travaux et Memoires*, 1994, Vol. 12, pp. 424–425.
41. Cheynet J.-Cl. De Tziliapert à Sébastè. *Studies in Byzantine sigillography*, 2006, Vol. 9, pp. 213–226.
42. Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum*. Berolini, Novi Eboraci, 1973.
43. fon Falkenhausem V.I. Bizantini in Italia. *Bizantini in Italia*, Milano, 1982, pp. 3–136.

44. Kalavrezou-Maxeiner I. *Byzantine Icons in Steatite*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1985.
45. Kazdan A.P. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. *Harvard Ukrainian Studies*, Cambridge, 1990, pp. 129–141.
46. Konstantios D. *The Castro of Ioannina*. Athens, 2000.
47. Oikonomides N. *Dated byzantine lead seals*. Washington, 1986.
48. Runciman S. The Crusade of 1101. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1951, Bd. 1, pp. 3–12.
49. Seibt W. Ἀρσακίδες / Arsakuni – Armenische Aristokraten in Byzantinischen Diensten. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1994, Bd. 44, pp. 349–359.
50. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

Информация об авторе

Степаненко В. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета.

Information about the author

Stepanenko V. P. – Doctor of Science (History), Professor of Ancient and Mediaeval History Department of Ural Federal University.